

Сочиненія и Переводы И. Дмитріева.

Часть Третія, Москва, въ Типографіи Платона Бекетова. 1805.

Съ эпиграфомъ:

Il veut le souvenir de ceux qu'il a chéri.

OCR Бычков М. Н.

<http://az.lib.ru>

Это одна изъ малаго числа тѣхъ книгъ, которыя немедленно по напечатаніи являются на учебныхъ столахъ Литтераторовъ и на уборныхъ столикахъ свѣтскихъ женщинъ, -- одна изъ тѣхъ книгъ, по которымъ судятъ о степени образованности, просвѣщенія, вкуса, и объ успѣхахъ Литтературы. Многія изъ піесъ, въ послѣдній разъ напечатанныхъ въ двухъ предшедшихъ Частяхъ (1803 года), а особливо басни {Лафонтеневы: *Дубъ и Тростъ; Мышь удалившаяся отъ свѣта; Два голубя.*} и сказки {*Модная жена, Причудница, Картина.*}, почитаются превосходными; нѣкоторыя пѣсни {*Что съ тобою, ангель, стало? и Стонетъ сизой голубочекъ.*} сдѣлались всеобщими.

Сія третья Часть содержитъ въ себѣ два отдѣленія: *Басни* и *Смѣсь*. Будемъ говорить о первомъ, состоящемъ изъ тридцати басенъ, по большей части переведенныхъ изъ Лафонтена и Флоріана.

Въ Поэзіи, равно какъ въ военномъ дѣлѣ, то называется похищеннымъ, что взято у свѣихъ земляковъ; но все, что ни беремъ у чужестранцевъ, есть завоеваніе, славная добыча. Лабрюйеръ сказалъ: *выбрать мысль значитъ -- изобрѣсть*. Какая нужда читателямъ, у кого Авторъ взялъ содержаніе басни -- у Индійца, Грека, или Француза? дѣло въ томъ, какъ онъ разсказалъ ее на нашемъ языкѣ. Самъ Лафонтенъ, Корифей баснописцевъ, ничего отъ себя не выдумалъ; ибо извѣстно, что ни одна басня собственно ему не принадлежитъ. Конечно трудно выдумать прекрасное содержаніе для басни, какова на примѣръ *Фуріи и Граціи* у Геллерта, или *Три путешественника* у Садія, и другіе апологи; однакожь, не оспаривая славы у изобрѣтателей, можно сказать, что хорошій подражатель долженъ имѣть столько, или почти столько дарованія, сколько предполагается въ баснописцѣ, изъ котораго переводить. Прочтите у Пильпая (или Пидьпая) басни: *Два голубя, Два друга*; онѣ не сдѣлаютъ въ васъ никакого впечатлѣнія. Первая наскучитъ своею продолжительностію, сухостію, однообразіемъ; другая заставитъ васъ жалѣть, для чего древній баснописецъ не умѣлъ обработать такой счастливой мысли. Напротивъ того, обѣ сіи басни какъ милы, какъ трогательны, съ какимъ искусствомъ разсказаны у Лафонтена, а первая и у Дмитріева! Пускай другой стихотворецъ, котораго природа не одарила изящнымъ вкусомъ, чувствительностію, талантомъ, -- пускай другой напишетъ сіи самыя басни: онѣ будутъ несносны. Кто нерадитъ о прелестяхъ слога, -- тотъ худо знаетъ людей, въ томъ не пылаетъ ревность быть полезнымъ; онъ не имѣетъ понятія ни о выгодахъ своей славы, ни объ истинѣ и точности; онъ мыслить, но не имѣя рѣдкаго дарованія писать слогомъ красивымъ, доброзвучнымъ, плѣнительнымъ, худо выражаетъ свои мысли -- и сочиненія его скоро забываются. Вопреки странному мнѣнію, коимъ хотятъ прославиться нѣкоторые люди, скажемъ рѣшительно, что одинъ слогъ дѣлаетъ книги долговѣчными; одинъ слогъ возбуждаетъ въ насъ охоту снова читать то, что было уже двадцать разъ прочитано; одинъ слогъ назначаетъ Авторамъ знаменитую степень между соотечественниками.

Третія Часть *Сочиненій и Переводовъ* Господина Дмитріева начинается баснею: *Мудрецъ и Поселянинъ*, переведенною изъ Флоріана. Сей Авторъ. прославился баснями столько же, какъ и другими своими сочиненіями. Хотя не лзя ставить его наравнѣ съ Лафонтеномъ, однакожь многіе знатоки опредѣляютъ, ему мѣсто подлѣ неподражаемаго Баснописца. Флоріанъ разсказываетъ натурально и пріятно; лица, выводимыя имъ на сцену, иногда разговариваютъ умнѣе, нежели сколько нужно для басни; но это самое и возвышаетъ достоинство его дарованія, потому что простота (naivete), главное украшеніе аполога, у него не пренебрежена для остроумія и учености, какъ на примѣръ у Гея и Ламотта. Вотъ другія